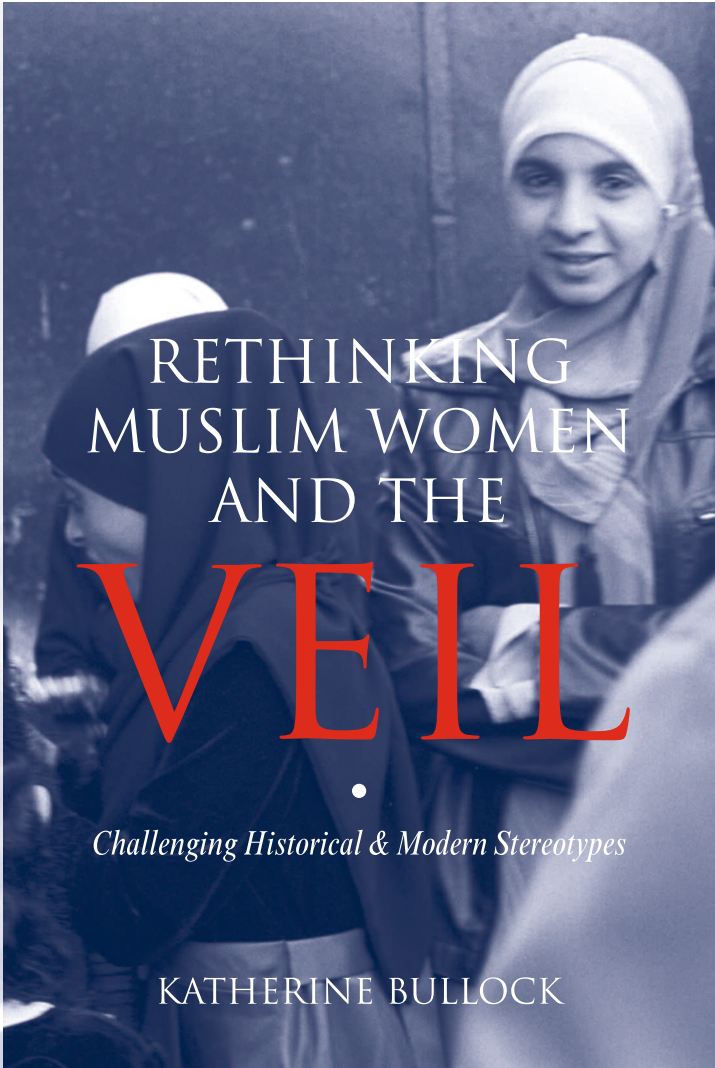

Переосмысливая СТАТУС МУСУЛЬМАНСКИХ ЖЕНЩИН
И НОШЕНИЕ ХИДЖАБА

Вызов историческим и современным стереотипам

RETHINKING
MUSLIM WOMEN
AND THE
VEIL

Challenging Historical & Modern Stereotypes

KATHERINE BULLOCK

Катерина Буллок

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СТАТУС МУСУЛЬМАНСКИХ ЖЕНЩИН И НОШЕНИЕ ХИДЖАБА

●
**Вызов историческим
и современным стереотипам**

Катерина Буллок

*Книга напечатана при поддержке
Института Интеграции Знаний*

*Центр исламоведческих исследований
Национального университета
«Острожская академия»*

Международный Институт Исламской Мысли

Острог – 2019

Rethinking Muslim Women and the Veil:
Challenging Historical & Modern Stereotypes
Katherine Bullock
IIIT Books-in-Brief Series

© Международный Институт Исламской Мысли, 2019

The International Institute of Islamic Thought (IIIT)
P.O. Box 669
Herndon, VA 20172, USA
www.iiit.org

IIIT London Office
P.O. Box 126
Richmond, Surrey
TW9 2UD, UK
www.iiituk.com

Переводчик: Неджла Айвази
Редактор: Александра Конькова
Верстка: Гасан Гасанов

Серия книг «Книги кратко»

Серия книг «Книги кратко» – это ценная коллекция основных публикаций Института. Они написаны в сжатой форме и предназначены для того, чтобы дать читателям понимание основного содержания оригинала. Напечатанные в кратком и легком для чтения, экономящем время формате, эти книги предлагают точный, тщательно написанный обзор публикации, и, как мы надеемся, стимулируют читателя к прочтению всего оригинала. Тратат доктора Кэтрин Буллок о переосмыслении положения мусульманских женщин и ношения хиджаба был впервые опубликован МИИМ (ИИТ) в 2002 году, второе издание состоялось в 2007 году. Это решительная и разумная критика популярного западного понятия «хиджаб» (платок) как символа мусульманского женского угнетения. Касаясь многих клю-

чевых социально-политических проблем, которые подняли этот глобальный вопрос, автор критически рассматривает историческую заикленность Запада на хиджабе (в том числе аспекты колониализма и фетишизма с гаремом), оценивает феминистский дискурс и предлагает альтернативную теорию.

Важной особенностью работы является наличие мнения народа, которое озвучивает автор, учитывая взгляды и опыт выборочной группы мусульманских женщин, опрошенных в Канаде на тему ношения хиджаба.

Автор приняла ислам во время учебы в магистратуре. Интересно, что она увидела реакцию людей на свое решение изменить первоначальную тему диссертации на новую, связанную с изучением значения хиджаба / платка для женщины. Благодаря бережным и тщательным исследованиям в области, чреватой историческими и культурными заблуждениями, автор стремится оспаривать некоторые субъективные и отрицательные взгляды, которые стали доминировать сегодня в большинстве случаев при обсуждении этого важного вопроса.

Работа доктора Буллок является важной предпосылкой для любого исследования или обсуждения такого важного и остро встающего вопроса на Западе, которым стал хиджаб (платок, покрывание головы).

Сокращенная версия оригинала

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СТАТУС МУСУЛЬМАНСКИХ ЖЕНЩИН И НОШЕНИЕ ХИДЖАБА

Вызов историческим и современным стереотипам

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1991 году я увидела новостной репортаж по телевидению, где были показаны турецкие женщины, которые приняли решение возвратиться к традиции ношения платка. Я была шокирована и очень за них расстроилась. «Бедняжки, – подумала я, – их культура совсем размыла им мозги». Как многие западные люди, я думала, что ислам угнетает женщин и что хиджаб является символом угнетения. Представьте себе, каким было бы мое удивление если бы тогда я увидела (что произошло четыре года спустя) свое собственное отражение в окне магазина, убранное точно так же, как и у тех угнетённых женщин. Я приступила к духовному путешествию во время обучения в магистратуре, которое завершилось четыре года спустя обращением в ислам. Этот путь включил переход от ненависти к исламу, к ин-

тересу, уважению и к принятию. Естественно, как для всех женщин, вопрос ношения платка был для меня главным.

Несмотря на мой интерес к теологическим основам ислама, я была глубоко обеспокоена исламскими практиками принижения женщин. Я чувствовала, что платок – это отсталая культурная традиция, которую мусульманские женщины, безусловно, могли бы постараться устранить. Мною были прочитаны айаты Корана, которые предписывают ношение одежды мужчинам и женщинам, и многие мусульмане следуют этому, и мне казалось совершенно ясным, что на самом деле Коран к покрытию головы принуждает. Я была морально подавлена и сочувствовала мусульманским женщинам. Айаты были ясны, и нет другого выхода: покрытие головы требуется от верующей мусульманки.

Мне пришлось отложить эти вопросы, чтобы решить, принимать ислам или нет. То, что имело значение, в конечном счете было основополагающим Посланием Аллаха: есть единый Бог, и Мухаммад

(СААС)* был Его Последним Службой и Посланником. После нескольких лет учебы сомнений в этом у меня не было, если бы только не вопрос о положении женщины в исламе.

Когда я наконец приняла решение обратиться в ислам, прошло уже полтора года на пути к моей докторской степени (июль 1994 г.), я решила, нравится мне это или нет, что должна покрыться. Это было заповедью, и я буду повиноваться. Я предупредила некоторых людей в моем рабочем коллективе, что я стала мусульманкой и что в следующий раз, когда они меня увидят, моя голова будет покрыта. Излишне говорить, что люди были в шоке, и по мере того, как слух распространился (и как люди увидели меня в моем новом одеянии), я обнаружила, что ко мне стали относиться враждебно: как же я смогла принять репрессивную практику, ведь я была известна как сильная и преданная феминистка? Как я могла принять ислам? Разве я не слышала, что только что сделал ХАМАС? Разве я не знала, что некий мужчина-мусульманин только что сделал с

* (SAAS) – Salla Allahu 'alayhi wa sallam – «Да благословит его Аллах и приветствует» – говорится при упоминании имени пророка Мухаммада.

женщиной? Но я не была достаточно подготовлена к этой вражде, к другому отношению ко мне со стороны секретарей, бюрократов, медицинских работников или просто незнакомцев в метро. Я чувствовала, что ко мне часто обращались с презрением. Меня не рассматривали, как прежде, как белую женщину среднего класса. Это был мой первый личный опыт дискриминации, который заставил меня осознать свое предыдущее привилегированное положение, о котором я никогда раньше по-настоящему не задумывалась.

Мои новые подруги-мусульманки (в том числе многие новообращенные) утешали меня, когда я обсуждала свой путь в новой религии и ответную реакцию, получаемую от широкого сообщества. Я спрашивала, как мои подруги справлялись с подобной ситуацией. Испытывали ли они сложности при ношении хиджаба в Торонто так же, как и я, или я просто была слишком чувствительна? Люди в метро действительно переводили взгляд на меня или они смотрели на что-то другое? Почему ко мне относились с жалостью и / или презрением? В это же тяжелое для меня время я была еще в поисках темы для своей докторской диссертации. И хотя какое-то

время я пыталась отодвигать этот вопрос, стало очевидным, что реакция на хиджаб может стать стоящим предметом исследования.

Почему платок воспринимается на Западе как символ угнетения мусульманок? Почему Запад, казалось, клеветал на ислам? Как могла я и мои друзья быть приверженцами свободы, но в то же время находиться в непростом конфликте с немусульманским обществом вокруг нас? Почему люди не знали и не хотели понять нашу версию ислама и значения в нем хиджаба (платка)?

Настоящая книга является результатом продвижения на пути к ответам на эти вопросы. Самая главная цель книги «Переосмысливая статус мусульманских женщин и ношение хиджаба. Вызов историческим и современным стереотипам» заключается в том, чтобы преодолеть популярный западный стереотип, что платок (хиджаб) – символ угнетения. Мой главный аргумент таков: западное представление (понимание), что покрытие является символом угнетения мусульманских женщин, представляет собой сконструированный образ, который не согласуется с опытом всех тех женщин, кто носит платок. Эта конструкция всегда служила западным полити-

ческим целям, и она продолжает делать это даже в конце XX в. Кроме того, я утверждаю, что суждение о том, что хиджаб – признак угнетения, основывается на либеральном понимании «равенства» и «свободы», которые исключают другие подходы к размышлению о «равенстве» и «свободе», предлагающие более позитивный подход для размышления о ношении платка.

Глава 1

Хиджаб в колониальную эпоху

Когда хиджаб (платок), в западном общественном мнении, стал символом угнетения женщин? Я не смогла точно определить происхождение этого представления, но было очевидно, что к XVIII в. ношение платка уже воспринималось европейцами как репрессивный мусульманский обычай. Британская леди Мэри Уортли Монтегю, которая отправилась в Турцию со своим мужем-дипломатом – послом Эдвардом Уортли Монтегю в 1717–1718 гг., оспаривала идею о том, что хиджаб был репрессивным инструментом. Примерив платок по прибытии в Турцию, Мэри утверждала, что длинное черное покрывало (чаршаф) давало женщинам свободу, так как позволяло им выходить (из дома) неузнанными

и без сопровождения. Однако образ покрывала, как репрессивный, получил новое внимание в XIX в., потому что это была эпоха европейской колонизации Ближнего Востока. Как показывает Ахмед в своей книге, колонизаторы использовали этот акцент в статусе исламской женщины отчасти для оправдания вторжения на Средний Восток. В колониальную эпоху европейцы, мужчины и женщины, будь они колонизаторы, путешественники, художники, миссионеры, ученые, политики или феминисты, были единодушны в том, что женщины-мусульманки угнетены внутри своей культуры. Покрывало (и хиджаб) было включено в список довольно стандартных притеснений, с которыми сталкиваются мусульманские женщины: полигиния, изоляция, легкость развода для мужчин. Фактически покрытие стало стенографией для всего деградировавшего статуса женщины и знаком вырождения всего Среднего Востока, который подпитывал ориенталистский (востоковедческий) взгляд представителей европейских культур на Средний (Ближний) Восток.

Не только Запад был убежден, что покрывало и хиджаб говорит о дискриминации женщин. Местные

элиты применили этот востоковедческий взгляд к себе. Для пытающихся «догнать» Запад элит, убеждённых в своей отсталости, в том, что их женщины деградировали, что они должны следовать западным предписаниям, направленным на улучшение своего положения, отмена ношения покрывала стало острой необходимостью. Таким образом, покрывало стало активным символом регресса нации, а отказ от него – символом прогресса.

А так как «модернизацию» возглавляли высшие общества, дискурс против покрывала был нападением и на низшие классы, которые остались привязанными к нему и его более старым символическим значениям (покрывало как символ благочестия, богатства, статуса). Дискурс против покрытия женщин разверз пропасть между классами нации: элитой, ориентированной на Запад, которая принимала культуру колонизатора, а также извлекала экономическую и социальную пользу от колониализма, и остальными, низшими классами (традиционными мусульманскими учителями и др.), кто страдал от колониализма и не принимал западный путь развития.

Таким образом, представление о том, что покрывало – символ угнетения, – это идея, родившаяся от желания господства или, по крайней мере, от воле-ния господства. Любой аргумент, который поддерживает идею о том, что покрывание головы является символом угнетения мусульманских женщин, сознательно или невольно черпает свою энергию от востоковедов и колониального дискурса о покрывале. Возможно, поэтому дебаты о этом могут принимать такие яростные формы. Покрывало, как отмечает Ахмед, начиная с колониального периода «несло» восточный / ориенталистский «груз» значений. Сегодняшняя борьба в мусульманском мире за / против хиджаба отражает эти виды классовых/ культурных разделений.

Метафизика современности

Если покрывало (хиджаб) на Западе рассматривалось как символ угнетения исламских женщин по крайней мере с XVIII в., что такого происходило в колониальную эпоху XIX в., что привлекло к нему новое внимание? В этой главе я утверждаю, что это был характер покрывала как ингибитора (препятствия, преграды) взорам. Это он больше всего способствовал тому, что ношение хиджаба подверга-

лось и подвергается осуждению. Хотя динамика явления имела начало во времена недавнего колониализма, она продолжается по сей день. Мой анализ расширяет аргументы Тимоти Митчелла в «Колонизации Египта» о столкновении между европейской «метафизикой современности», в которой индивид приходит к тому, чтобы испытывать себя как бы вне мира и осмысливать материальный мир, словно это картинка (мир-выставка, мир напоказ), с неевропейской метафизикой, которая не создавалась для того, чтобы материальный мир мог быть представлен как изображение (картинка).

Пристальный взгляд и хиджаб

То, что я хотела подчеркнуть о современном опыте «Мира – как выставки» (мира напоказ) – это приоритет, придаваемый рассмотрению сущности: «Только сейчас мы – объективные люди, – писала The Times летом 1851 г. по случаю Великой Выставки. – Мы хотим разместить на витрину все, что можем получить, и пристально всмотреться».

Митчелл отмечает, что это современный опыт «объективности»: ощущение, что человек способен смотреть со стороны и наблюдать за миром, нахо-

дясь в нейтральной позиции. Что же происходит тогда, когда некто сталкивается с миром, настроенным отвергать взгляд? Взгляд требует «точки зрения», чтобы увидеть, но не быть увиденным, а также, чтобы «туземцы» представляли собой зрелище. Несложно догадаться, каким разочарованным был бы европейский посетитель по прибытии на Средний Восток в колониальную эпоху, увидев, как женщины закрывают свои лица покрывалом. Но женщины не экспонаты выставки. Ни дома, в которых они живут (с решетками на окнах, выходящих на улицы), ни сегрегация мужчин и женщин не допускали этого. Покрытые женские головы нарушили все требования «мира – напоказ»: их нельзя было увидеть, но они видели, они не были изображением, которое можно было рассматривать. Они были таинственными существами, которые отказывались открывать свою внешность посетителям. Для меня это ключевой аспект движущей силы европейской компании против покрывала. Европейцы прибыли на Средний Восток с уверенностью, что они находятся на вершине цивилизации, но это убеждение было дестабилизировано. Как можно было быть выше, или установить власть над людьми, которых нельзя узнать (потому что их лица нельзя увидеть,

запечатлеть как картину)? А что не может быть увиденным, схваченным как зрелище, то нельзя контролировать. Более того, европейцы чувствовали себя неловко среди покрытых женщин: европейцы считали, что женщины за ними следят, а сами они невидимы, и это придает женщинам некую власть. Это было вызовом традиционным ожидаемым отношениям между высшим и низшим – видеть без того, чтобы быть увиденным. Итак, – и вот суть моего аргумента, – европейцы приняли ответные меры. Они напали на покрывало, пытаясь «сорвать» его; они пробовали все, что могли, чтобы «открыть» женщин. Они выставляли женщин в картинах, фотографиях и т. д., изображая их раздетыми или во все обнаженными. Так началась кампания против покрытия головы мусульманской женщиной.

Вывод

«Метафизика современности», где смысл в различии между материальной вещью и нематериальной структурой, которую она представляет, с ее акцентом на взор привела европейцев на Средний Восток, чтобы напасть на ношение покрывала. Оно было препятствием для европейцев, доводивших до завершения проект, поощряемый востоковедческим

видением: а именно присущая ему неполноценность Востока и необходимость того, чтобы Запад цивилизовал его. Колониальный дискурс также представил идеи о восточной (ориентальной) неполноценности и концентрировался на статусе женщины как ориентире для прогресса в колониационном дискурсе. Местные элиты ухватились за европейское понимание некоторых исторических мусульманских обычаев, таких как покрытие и гарем, и приложили усилия к их «модернизации». К исламскому значению покрытия, как символа благочестия, богатства, статуса был добавлен новый смысл, что покрывало символизирует угнетение и отсталость. Новый смысл не заменил прежний, просто образовался новый слой, который был привязан к своему классовому значению. Таким образом, разрыв между прозападным элитным меньшинством и традиционным (неэлитным) большинством расширялся. Как утверждает Ахмед, дискурс по поводу хиджаба сейчас «испорчен историей колониального господства и сопротивления и классовой борьбы вокруг этого». Сегодня эта тема только оживляет различные противостояния в мусульманском мире.

Глава вторая

Восприятие и опыт ношения хиджаба в Торонто

Вскоре после того, как я начала носить хиджаб, двух школьниц в Монреале (Квебек, Канада) выпроводили из школы домой за отказ снять платки в классе. Данный инцидент о значении хиджаба и его месте в канадском обществе вызвал дискуссию по всей стране. Полемика о значении платка была основана на том, что он был «чужой» практикой, канадцам нужно было решить, примут они ее или нет как «аутентичную». Следственный орган Канадской вещательной комиссии (СВС) провел опрос: «Может ли ситуация с хиджабом пройти испытание сродни лакмусовой бумажке, чтобы платок стал канадским?»¹¹ То, что изгнанные девочки были канадками (там рожденными и выросшими), казалось, не имело значения. Публицистическая статья Джефффри Симпсона в *The Globe and Mail* утверждала, что мусульманские женщины должны иметь право носить хиджаб, если они того пожелают¹². Это вызвало сердитый отклик двух дам, сославшихся на то, что хиджаб был «очевидным» признаком угнетения мусульманских женщин.

То, что было скрыто в этих всенародных дебатах, – так это голос самих мусульманских женщин. В этой главе я попытаюсь восполнить данный пробел, предоставив право голоса некоторым канадским мусульманкам, которые носят хиджаб. Я не проецирую их взгляды на «всех мусульман». Я хотела только досконально понять, что несколько мусульманских женщин думают о хиджабе. Интервью были взяты у пятнадцати суннитских женщин и одной исмаилитки в период с мая по июль 1996 г., они жили в районе Большого Торонто (Онтарио). Из шестнадцати женщин шесть были новообращенными в ислам. Десять постоянно носили хиджаб (пять из них были новообращенными), а пять – носили лишь иногда. И только две из них не собирались постоянно носить хиджаб в будущем. Из пятнадцати суннитских мусульманок только одна не совершала пять ежедневных молитв, так что остальные (включая Ною, исмаилитку, которая была активна в своем религиозном сообществе) были из тех, кого другие люди считают «религиозными». Это сделало их частью крошечного меньшинства среди мусульман в Северной Америке, которые являются активными посетителями мечети (около 1–5%), по мнению исламских ученых, во всей Северной Америке. Для того чтобы сохранить анонимность моих собеседниц, им были даны псевдонимы.

Восприятие хиджаба

1. Почему хиджаб?

Мусульманским женщинам, носящим хиджаб в Канаде, сами канадцы иногда говорят, что это, мол, Канада. Вы свободны здесь. Вам не нужно носить эту вещь на голове. Стать объектом таких комментариев может быть забавным или огорчительным в зависимости от манеры, в которой эта информация преподносится и отношения к услышанному самой женщины. Однажды Нур, студентка из Южной Азии, имела травмирующую встречу в библиотечной столовой, когда к ней обратилась пожилая женщина. Она враждебно спросила, почему Нур «привносит отсталость в Канаду». Женщина подчеркнула, что они упорно «работали для (защиты) прав женщин в Канаде», а ношение хиджаба «все это перечеркивает». Как только Нур ответила, что она не собиралась делать заявление и привлекать внимание, или сделать себя «одной из легких целей для ненависти», что это «больше религиозная вещь», пожилая женщина, казалось, успокоилась. Хотя «она все еще не была переубеждена», по видимому думая, что Нур не следует носить хиджаб, независимо от причин. Нур называла религиозные

причины, пытаясь объяснить канадкам-немусульманкам, почему она носит хиджаб в Канаде. Все мои собеседницы, даже Фатима, которая редко покрывалась (в отличие от других женщин), и те, которые вообще не покрывались (не стремились хотя бы однажды это сделать), считали, что ношение хиджаба было частью их религии. Когда я спросила, что заставляет их так думать, все они ответили: «Это дано в Коране», «Бог повелевает это в Коране», и т. д. Бассима, англичанка, обращенная в ислам, также ссылалась на «хадисы, которые говорят, что, когда женщина достигает половой зрелости, ничего, кроме ее лица и рук, не должно быть видно».

2. Традиционная (т. е. патриархальная) интерпретация?

Женщины-ученые, которые сами не покрываются, выступают авторами большинства исследований движения заново покрывшихся. Многие из них бросают тень на утверждения опрошенных ими женщин о том, что Коран обязывает покрытие. Согласно точке зрения этих ученых, Коран просто требует скромного одеяния, а не того вида покрытия, который описывают исламисты. Трактовать свои исследования таким образом – значит оказывать плохую

услугу женщинам, которых они опросили для своих научных статей, поскольку это подразумевает, что они способны интерпретировать Коран правильнее, чем ими опрошенные. Лучший способ приблизить различия в интерпретации, это по образцу исследования Карам о египетском феминизме. Несмотря на несогласие с интерпретацией исламских женщин, что Коран приказывает покрывание, она испытывает глубокое уважение к их методологии: «Это был классический замкнутый круг: я не могла, как мусульманка, выросшая с исламскими убеждениями, отрицать легитимность их исламских основ (то есть Корана), одновременно я не могла принять интерпретации, которые они использовали с их вытекающими социальными последствиями»¹⁶. Карам указывает, что и те, кто покрывается, и те, кто этого не делает, убеждены, что другие обмануты ложным сознанием. Мнение о том, что женщины, которые предпочитают покрыться, страдают от ложного сознания, широко распространено на Западе. Когда я начала ходить в хиджабе в университете, одна из моих однокурсниц сказала моей подруге: «Разве она не знает, что она таким образом угнетена?» Однако ни одна женщина, особенно выросшая на Западе, не сможет в наши дни предпочесть покрыться, не бу-

дучи сведущей о всех дебатах, окружающих данную практику как внутри, так и за пределами мусульманского сообщества. Покрытие имеет давнюю традицию в мусульманском мире. Нынешние дебаты по этому вопросу относительно новы и были вызваны колониальным столкновением с Западом. Живя в Канаде, нелегко решиться надеть хиджаб, учитывая отрицательную оценку, даваемую ему более широким сообществом, а также опыт преследования и дискриминации, обычно следующий за этим. Женщины, с которыми я беседовала, не приняли бы решение покрыться и продолжать носить хиджаб изо дня в день без серьезного обдумывания вопроса: зачем им это нужно. Ученые, изучавшие движение заново покрывшихся, обнаружили, что существует много разных мотивов для ношения хиджаба – от политического протеста, экономических причин, до религиозности (см. третью главу). Мои собеседницы обсудили различные стихи Корана и их интерпретации и выбрали то, что для них больше всего имело смысл. Все они считали, что стих (айат) Корана, обращавшийся к женщинам по поводу покрытия головы, был прямым указанием.

Общественное восприятие ислама заключает, что это «плохая» религия, поощряющая насилие и угнетение женщин. Однако в моем исследовании женщина в хиджабе символизирует не угнетение и терроризм, а «чистоту», «скромность», «исламскую идентичность», «послушание или подчинение Богу», а также и свидетельство того, что «она мусульманка». Она чувствовала себя комфортно в хиджабе и наслаждалась его ношением. Она твердо верила, что хиджаб был на пользу обществу, потому что он «очищал» отношение мужчин к женщинам; к ним относились как к личностям, а не как к сексуальным объектам. Она верила, что негативные чувства зависти и ревности будут уменьшаться в обществе, в котором женщины покрываются. Если феминистские методологии и эпистемологии опыта как основы знаний что-либо значат, данную роль хиджаба нужно воспринимать всерьез, а женщин не следует высмеивать за «ложные» убеждения.

Глава третья

Множество значений хиджаба

Социологическая сложность традиции покрытия не охвачена общепринятой западной мудростью, которая утверждает, что «покрывало» в исламе (как буд-

то существует только один его тип) является символом женского угнетения. Мне не терпится в этой книге бросить вызов общей западной убежденности, будто каждая женщина, надевающая платок, делает это поневоле, по принуждению, т. к. ношение его является для нее угнетением в исламе.

В этой главе я расскажу о многих разновидностях хиджаба, чтобы продемонстрировать, что наблюдатель не должен придавать ему одно значение, и чтобы подчеркнуть несправедливое мнение Запада по отношению к мусульманкам, которые страдают от стереотипа «ношения платка как символа угнетения» (например, девочки, которые были исключены из школы во Франции и Квебеке, а также женщины-мусульманки, которые страдают от трудовой дискриминации или преследования, поскольку они покрыты). Наглядной демонстрацией множественных значений хиджаба, которые изменяются в зависимости от контекста и индивидуальных различий, я проанализирую практику мусульманских женщин из других стран.

Я обобщила семь основных тем из академических исследований о покрытии, чтобы выявить различные побуждения женщин для ношения хиджаба:

выражение революционного протеста, выражение политического протеста, религиозность, продолжительный (дальнейший) доступ к публичной (общественной) сфере, способ выражения личной идентификации, обычай, требование государственного права. Естественно, что среди тем, которые я определила, есть некое пересечение, и у одной женщины может быть несколько причин для покрытия. В следующем разделе я представлю темы покрытия, взятые из этих исследований. Затем я рассмотрю те значения, которые современные западные СМИ обычно приписывают хиджабу. Это позволит выразительно продемонстрировать, что генерирующийся в западных СМИ образ хиджаба, который в подавляющем большинстве отрицательный, вовсе не соответствует точке зрения мусульманских женщин.

Причины для покрытия

1) *Революционный протест*. Во время Алжирской борьбы за независимость в 1950-х гг., а в Иране в 1970-х гг. женщины, которые ранее не покрывались, надели платок / чадру, дабы помочь свергнуть репрессивное правительство¹⁸. Платок демонстрировал сопротивление колониализму или сопротивление

солидарному с Западом режиму элит и всему тому, что стояло за этим режимом.

2) *Политический протест*. Женщины надели хиджаб в знак политического протеста против элитных прозападных программ и западного неоимпериализма, чтобы подать сигнал: они недовольны нынешней политической ситуацией, будь то проводимая государством политика и / или «коммерческое, технологическое, политическое и социальное» вторжение Запада в их страны¹⁹.

3) *Религиозность*. Главной чертой политического протеста против западничества / вестернизации и секуляризации является убеждение в правильности ислама как жизнеспособной, позитивной, альтернативной политической, социальной и экономической системы. Многие женщины решили покрыться в ответ на призыв международного мусульманского движения к мужчинам и женщинам соблюдать исламский дресс-код²⁰.

3.1) *Сделать общество лучше*. Наряду с темами несогласия с вестернизацией и секуляризацией и принятием ислама в качестве альтернативы распро-

страненной является та, что женщины, которые надевают хиджаб, считают, что они активны в деле улучшения общества. С данной точки зрения хиджаб в идеале представляет собой выравнивание социальных классов²¹. Уильямс обосновал, что женщины в Египте понимали, что они надевали хиджаб в попытке исправить общество, остановить его распад и [inhiḷāl] (распущенность, дезинтеграцию)²².

4) *Продолжительный / дальнейший доступ к общественной сфере.* Не все женщины, которые начали покрываться в последние годы, сделали это из религиозных убеждений (некоторые из них никогда не молятся). Они поняли, что хиджаб облегчает им доступ и продвижение в общественной сфере: в поиске работы, в величине заработка, уважении, а также в борьбе с домогательством мужчин²³.

5) *Способ выражения личной идентичности.* Это еще одна причина для ношения хиджаба, особенно для мусульманских женщин на Западе. Это способ сделать заявление о личной самобытности, подобно Надии, британо-азиатской женщине второго поколения, которая начала покрываться, когда ей было

шестнадцать: «...ношение платка заставляет меня чувствовать себя особенной, это своего рода знак идентичности / самобытности и того, что моя религия важна для меня»²⁴.

6) *Обычай*. Многие мусульманские женщины носят хиджаб как выражение почитания своей семьи, общественных обычаев и культуры. Тридцатипятилетняя учительница из Саудовской Аравии со степенью бакалавра в области образования, полученного в США, сказала: «Да, я ношу платок из убеждения». «На чем вы основываете свое убеждение?» – спросил [ал-Мунаджид]. «Я привязана к своим традициям. Ношение платка является частью самобытности саудовской женщины. Это четкое доказательство идентификации с нормами и ценностями моей родины. ...и ношению хиджаба я буду учить также свою дочь»²⁶.

7) *Требование государственного права*: покрытие требуется законодательством страны, например, в Иране (после революции 1979 г.) и в Афганистане (после вступления во власть Талибана в 1998 г.).

Смысл ношения хиджаба: взгляд западных СМИ

Довольно легко продемонстрировать различия между социологической сложностью мотивов и значений ношения покрытия в исламе и стандартного западного медиаобраза этой традиции. Для западных медиа хиджаб, по большому счету, означает угнетение и как проявление всех ужасов ислама (ныне называемых исламским фундаментализмом): терроризма, насилия, варварства и отсталости. Это предопределенный шаблон, под который подгоняются эмпирические детали.

Как и в колониальные времена, когда хиджаб был метафорой всего Востока, в 1990-х гг. слово «хиджаб» стало синонимом всех ужасов исламского фундаментализма. Заголовки провозглашают: «Завуалированная угроза ислама»²⁶; «Женщины-завесы: исламские боевики отталкивают женщин назад во времена официального порабощения»²⁷; «Fouillard. Le Complot: Comment les Islamistes Nous Infiltrerent [Хиджаб. Заговор: как исламисты внедряются в нас]»²⁸; «Исламская завуалированная угроза»²⁹; «Акт веры или скрытая угроза обществу?»³⁰; «“Мусульманский хиджаб – угроза гармонии во

французских школах”, – говорит министр»³¹; «Новый закон: носить хиджаб и оставаться в живых»³²; «Женщины, запертые за хиджабами»³³.

Таким образом, хиджаб связан с утверждениями о низком статусе женщин в исламе. Предполагается, что платок является «вопиющим знаком женского угнетения»³⁴, невольно навязанного женщинам различными методами – подкупом³⁵ или угрозами, или фактическим насилием³⁶. Однако, как мы видели выше, многие женщины в мусульманских странах охотно и с убеждением носят хиджаб. Скруггинс, Гудвин и Брукс пишут о таких женщинах в лучшем случае как о глупых, обманутых или странных, а в худшем – как поддерживающих исламистскую идеологию, как и люди, одинаково ответственные и виновные за поддержку антиженской идеологии³⁷. Молодежь, которая занимала видное место в академических исследованиях вопроса покрывания головы, рассмотренных выше, представлена в работе Гудвина как легко приверженная «экстремизму» в связи с возрастом и социально-экономическими условиями. Ее «подавляющее большинство», очевидно, избежало собеседования с указанными выше учеными³⁸. В исследованиях Брукса они представ-

лены в качестве глашатаев мрачного будущего, ведущего их страну назад во времени. В работах этих ученых отсутствуют такие нюансы, как, например, наблюдение Маклеода о том, что возврат ношения хиджаба в низших классах Каира не напрямую связан с исламским движением в Египте или упором на благочестие³⁹, а не с социально-экономическими условиями, или восприятием Бреннером яванских женщин как перспективных, рациональных и современных, стремящихся перевоспитать себя и улучшить свое общество⁴⁰.

Глава четвертая

Мернисси и дискурс о хиджабе

Две книги марокканской феминистки Фатимы Мернисси о значении вуали «За пределами хиджаба» и «Хиджаб и мужская элита» хорошо принимаются во внимание на Западе⁴¹. В обеих книгах Мернисси утверждает, что хиджаб является символом несправедливой мужской власти над женщинами. Поскольку моя работа направлена на преодоление стереотипа репрессивности хиджаба, необходимо дать критическое опровержение главных аргументов Мернисси, описанных в этих двух книгах.

Мернисси и методология

Последствия личной травмы, которую Фатима Мернисси, похоже, испытала, взрослея в Марокко, всплывают на поверхность большинства ее трудов. Анекдот из автобиографии Мернисси хорошо освещает ее отношение к покрытию. Во время Второй мировой войны, когда ей еще не было девяти лет, она и ее кузены пришли к выводу, что им необходимо изменить цвет волос или покрыть их, чтобы защитить себя от покушений Гитлера, который «ненавидел темные волосы и темные глаза и метал бомбы с самолетов, где бы ни обнаружил темноволосое население»⁴². Мернисси начала надевать один из платков своей матери, который она (мать), в свою очередь, сердито срывала с ее головы: «Никогда не покрывай голову! – кричала мать. – Ты понимаешь меня? Никогда! Я борюсь с ношением платка, а ты его надеваешь?! Что это за нонсенс? ...Даже если Гитлер, Всемогущий Король Аллеманов, преследует тебя, – говорила она, – ты должна встретить его со своими непокрытыми волосами. Покрывание твоей головы и сокрытие не помогут, это не решает проблем женщин, а только определяет ее как легкую жертву. Твоя бабушка и я достаточно пострадали от

покрытия. Мы знаем, что оно не работает. Я хочу, чтобы мои дочери стояли с поднятыми головами, и ходили по планете Аллаха, глядя на звезды»⁴³.

В свете такого материнского напора мог бы маленький ребенок развить что-то другое, кроме амбивалентного или отрицательного отношения к покрытию? Могла ли молодая женщина решить, что хочет покрыться, понимая при этом, что будет воспринята как отсталая или антинационалистическая? Мернисси, очевидно, на всю жизнь травмирована этими воспоминаниями, и вся ее забота, вероятно, заключается в поиске причины ее боли, а также способа изменить и исправить положение. Кто бы не осудил такую систему? То, что женщины ее класса, которых не обучали грамоте, должны были закрывать свои лица (носить никаб), тогда им разрешалось выходить из дома, отождествляет сокрытие с угнетением женщин, – казалось бы, само собой разумеющимся.

Проблема в том, что Мернисси приравнивает свой опыт по использованию никаба в марокканской системе, к тому самому «присущему опыту» сокрытия, или имеющему истинное значение сокрытия. Ниже я более подробно объясню, что Мернисси не признает как множественность исламских практик от-

носителем закрывания головы и лица (и, следовательно, их значения, как описано в третьей главе), так и множественность исламских дискурсов вокруг никаба. Она преследует а-исторический подход, приравнивающий марокканскую социальную / политическую / экономическую систему XX в. с арабской системой VII в., с мыслью, что марокканский результат к XX в., по представлению пророка Мухаммада, позитивный идеал ислама. Она также приравнивает свой случай в Марокко, к тому, что стало результатом во всем мусульманском мире, до той степени, что обсуждает смысл покрывания в «мусульманском социальном порядке», как будто Индонезия, Бангладеш, Марокко, Саудовская Аравия и др. государственные системы идентичны системам первого мусульманского сообщества в Аравии VII в.⁴⁴ Итак, у меня два принципиальных разногласия с Мерниси: 1) а-исторический подход к значениям религиозных символов, которые не позволяют контекстуализировать, как люди по-разному в разные времена и в разных местах принимают ислам; и 2) редуктивный (ограниченный) подход, который не признает множественность дискурсов вокруг ношения платка (никаба). Чтобы противостоять негативному стереотипу, будто бы покрытие яв-

ляется символом угнетения исламских женщин, уместно спросить: это «ислам» требует такое общество, которое Мернисси осуждает как враждебное к женщинам, или есть альтернативные видения, которые более благоприятны / благосклонны к женщинам? В этой главе я буду утверждать, что доводы Мернисси о взгляде ислама на женщин противоречат самим источникам ислама, Корану и хадисам (изречениям пророка Мухаммада). Мои дебаты с Мернисси ведутся не ради того, чтобы отрицать, будто мусульманские общества воплощают репрессивные практики или дискурсы о женщинах. Мой спор с ней относится к нормативному исламу (направлены ли изречения Корана против женщин или нет?). Толкование благоприятного для женщин коранического видения противодействует и нейтрализует как точку зрения Мернисси, так и любую другую интерпретацию Корана, которая является якобы подавляющей женщин.

Женщины и сексуальность в Коране и Сунне

Высказывания Мернисси против ношения платка основываются на ее заключении, что ислам рассматривает сексуальность женщин как опасность,

а поэтому нуждающуюся в контроле. Далее она утверждает, что ислам рассматривает «женственность» как антибожественное или порочащее явление и что ислам против гетеросексуальной любви между мужем и женой. Женщины угрожают отношениям мужчин с Богом, поэтому их нужно покрыть, изолировать и исключить из жизни мусульманской общины⁴⁵.

Ни один из этих аргументов не может быть поддержан при тщательном чтении Корана и Сунны. Как отмечает Уинтер, ислам имеет «сексуально позитивный подход», примером которого является заявление Имама Навави: «Все желания ожесточают сердце, за исключением сексуального желания, которое смягчает его»⁴⁶. В Коране нет ничего о женщинах как об опасных сексуальных существах. Скорее, есть понятие, что мужчины и женщины в корне похожи друг на друга, будучи изначально созданными из одного тела, и оба – получатели божественного духа. Итак, как может ислам рассматривать женственность как антибожественную? Коран изобилует стихами, подчеркивающими важность взаимной супружеской любви и гармонии; это удивительно, что она упустила их из виду (например,

Коран, 30: 21). Кораническая картина взаимной любви, внимания, сострадания и гармонии между мужем и женой далека от представления Мернисси: «Мусульманский порядок осуждает как смертельно-го врага цивилизации любовь между мужчинами и женщинами в целом, а также между мужем и женой в частности»⁴⁷.

Нужно подчеркнуть, что в исламе нет ничего злого или отрицательного относительно человеческого тела и его желаний. Женщина, хотя и участвовала в падении, не несет ответственности за исключение ее из Рая, как и Адам. Нет первородного греха (Бог простил их сразу) и никакой нечистоты, связанной с ней из-за этого, как в других религиозных традициях. Желание само по себе не является ни дьявольским, ни враждебным к добродетели. Удовлетворение сексуального желания в браке поощряется и вознаграждается; это же, но вне брака не поощряется и наказывается. Каждое действие в жизни верующего, совершенное с правильным намерением, воспринимается как акт поклонения. Итак, половой акт не выражение антагонизма между Аллахом и женщинами, а действие, которое приносит вознаграждение от Бога как мужчинам, так и женщинам,

когда это дозволенный акт. Таким образом, хиджаб не является символом веры, которая (нормативно) желает стереть женственность или исключить женщин из общины верующих.

Вывод

Аргументация Мернисси о том, что платок исключает женщин из общественного пространства и т.д., опровергается мнениями интервьюированных мною женщин (см. вторую главу) и их действиями (см. главу третью). Своим игнорированием голосов женщин, носящих платок, и сведением их до пассивных жертв Мернисси только повторяет колониальный и ориенталистический взгляд на покрывающихся женщин. Ее видение является упрощенным, игнорирующим социологическую сущность ношения платка.

Если ее предположение, «что в исламе есть противоречие между женственностью и божественным», требующее подавления и исключения из общества (следовательно, деградаци) женщин, носящих хиджаб, является ошибочным (а я это утверждаю), то хиджаб может нести иное значение.

Глава пятая

Альтернативная теория ношения платка

Одна из задач этой книги – показать, что социальный контекст влияет на значение, приписываемое хиджабу. Цель же этой главы – разработать положительный взгляд на значение хиджаба для потребительской капиталистической культуры XXI в. Я утверждаю, что из-за акцента западного общества на женское тело и на материальность ношение хиджаба может быть обязывающим и одновременно освобождающим опытом для женщин. Я анализирую феминистские аргументы о мужском взгляде и коммерциализации капитализмом женского тела, чтобы утверждать, что хиджаб – это мощный способ противостоять вредным аспектам того и другого. В следующих разделах я опровергаю некоторую распространённую критику того, что хиджаб – наряд, который подавляет женственность, делает их сексуальными объектами и отрицает их выбор. Глава заканчивается разделом, который представляет хиджаб воротами в традицию веры, помогающей своим приверженцам противостоять разъедающему воздействию современного материализма.

Хиджаб и освобождение. Хиджаб и мужской взгляд

Нахид Мустафа и Султана Юсуфали, пишущие для медиа основного направления, представляют хиджаб как освобождение от репрессивных аспектов западной массовой потребительской культуры. При этом они используют два вида феминистского анализа⁴⁸. Первый – объективфикацию и коммерциализацию женских тел в капиталистической культуре, а второй – теорию вреда, причиненного женщинам путем пропаганды идеала красоты. Орбах, Бордо, Вольф, Ушер, Маккиннон, Дворкин и многие другие феминистки подробно проанализировали образы женщин западных культур⁴⁹. Они рассматривают проблему «овеществления / объективизации» женского тела и его использование в рекламе, порнографии, искусстве, кино и т.п. Основным аргументом является то, что женские тела представлены таким образом, чтобы удовлетворить (гетеросексуальный) мужской взгляд и (гетеросексуальное) мужское желание: женщина прекрасна, а ее тело сексуально и возбуждает. В искусстве (особенно жанре женской наготы – «ню») и порнографии, женщина часто бывает пассивной, часто откидывающейся, предлагаемой мужчине, чтобы он захотел взять ее⁵⁰.

В примере картины / фильма «взятие» является визуальным, хотя некоторые феминистки утверждают, что это визуальное овеществление имеет воздействие в реальном мире, что оно «конструирует женщин как вещь для [мужского] сексуального использования». Кроме того, это положение женского тела не ограничивается искусством, а распространено повсеместно, где есть фотографии, особенно в рекламе: женщина в бикини, поглаживающая выхлопную систему автомобиля; ноги женщины, торчащие из-под коробки с зерном («Получите больше ударов из Кикса»)⁵². Связь между продаваемым продуктом и сексуализированным телом женщины отсутствует; но тело должно привлечь внимание. Оно также возбуждает гетеросексуального мужчину и закрепляет урок о том, что женские тела являются объектами. Утверждается, что этот вид овеществления обезличивает / унижает женщин, превращает их в объекты и отрицает их индивидуальность. Важная задача феминистического проекта изменить и улучшить ситуацию.

Мустафа и Юсуфали рассматривают хиджаб как выход из ловушки коммерциализации / овеществления, как нечто, возвращающее женщинам их личность (индивидуальность). Кроме того, полагая, что

хиджаб удаляет пагубные последствия мужского взгляда путем «разовеществления» женщины, Мустафа и Юсуфали утверждают, что хиджаб освобождает, спасает женщин от разрушений игры красоты. Игра красоты – это попытки женщин превратиться в образы красавиц, которых они видят вокруг себя. При надевании длинной свободной одежды и покрытии головы платком они чувствуют себя освобожденными от «рабства качающегося маятника индустрии моды и других учреждений, которые эксплуатируют женщин» (Юсуфали). Отказываясь от игры красоты, они принимают символ своего исламского наследия как освобождающий, который другие в других контекстах, возможно, находят угнетающим. Поэтому, выбирая ношение хиджаба, они строят мусульманскую идентичность, идентичность меньшинства перед лицом доминирующего послания (западной) культуры о женщинах – о необходимости их одеваться модно, быть стройными и красивыми. Они используют свое исламское наследие как способ противостоять, восстать против и противодействовать этим влиятельным изображениям «идеальной» красоты. Для этих и других единомыслящих мусульманских женщин хиджаб на Западе – это контрмера. Они даже имеют свою собственную версию ложного сознания: «Женщины не

достигнут равенства с правом публично обнажать грудь так, как некоторым людям хотелось бы вас в этом уверить» (Мустафа), таким образом переводя все на тех феминисток, которые рассматривают поддержку хиджаба молодыми женщинами как ложное сознание.

Хиджаб и женственность

С точки зрения тех, кто привык к выставлению женского тела как чему-то правильному и соответствующему («Если у вас оно есть,ставляйте напоказ», – распространённый мессаж для женщин в западной культуре), «прикрывать его», казалось бы, – значит подавлять женственность и красоту. Часто выглядящие однообразно, одежды покрытых мусульманок создают впечатление, что их хозяйки лишены женственности и сексуальности. В этом разделе я выдвигаю четыре пункта, чтобы дать отпор предположению, что хиджаб подавляет женственность и сексуальность. Во-первых, женщины не носят хиджаб круглые сутки, хотя часто это изображается таким образом. Хиджаб не является публичной / частной одеждой: он связан с присутствием или отсутствием при женщине родных или заменяющих их мужчин. Ведь когда женщина находится в окружении женщин или мужчин из ее семьи, она

не покрывает себя. По аналогии, вне дома, если она свободна от взгляда неродственных ей мужчин, покрываться также не нужно. Во-вторых, женщине рекомендуется одеваться и украшать себя, радоваться своему телу со своим мужчиной и для него. В-третьих, большая часть общения женщины происходит с женщинами, которые часто собираются в отсутствие мужчин. Для таких случаев многие женщины любят наносить макияж, а также одеваться в нарядную и качественную одежду. Одно из самых захватывающих событий – девичник для невесты, где женщины надевают самые красивые наряды. На некоторых мероприятиях женщины проводят время, украшая хной руки друг друга. На собраниях распространены пение и танцы. Я видела пожилых женщин, которые танцуют, хлопают в ладоши и трясут бедрами, призывая застенчивую, сдержанную невесту трясти бедрами и телом с большей энергией. И, в-четвертых, чтобы подчеркнуть сходство между хиджабом и другими женскими стратегиями борьбы с мужским взглядом в публичном пространстве, как например, бритые волосы на голове, как это принято среди некоторых феминисток.

Хиджаб, сексуальность и эссенциализм

Либеральные и постструктуралистские феминистки предполагают, что человеческое поведение и желание имеют социальные корни. Любая стратегия, как хиджаб, которая, как представляется, цементирует традиционные различия между мужчиной и женщиной, стоит под подозрением. Сам Коран не предлагает подробных объяснений своих заповедей о покрытии или о различии между мужским и женским одеянием. Однако он предлагает два кратких объяснения, которых может быть достаточно.

Исследуя 31-й аят 24-й суры, который повелевает женщинам: «...Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди и не показывают своей красоты никому...» (Коран, 24: 31) и 59-й аят суры 33: «...Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди и не показывают своей красоты никому...» (Коран, 33: 59), я считаю, что Коран утверждает: на общественной арене в отношениях между мужчиной и женщиной есть что-то, что может навредить женщинам, и что наличие закры-

вающих элементов верхней одежды может облегчить / исправить. Коран оставил без точного ответа, как и чему может оказать помощь такая одежда. Но читая выдержки из стихов: «Скажи верующим мужчинам, чтобы они опускали свои взоры...» (Коран, 24: 30), «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры...» (Коран, 24: 31), я предполагаю, что Коран указывает на главное явление: взгляд мужчины на женщину как потенциального партнера для секса (что уже было проанализировано выше).

Эссенциализм опасен, когда он закрепляет понятия «мужчина – выше», «женщина – ниже», что может применяться (и применялось) в течение столетий, чтобы лишить женщин основных прав на жизнь, образование, голосование и т.д. Однако Коран не устанавливает конкретные виды различий между мужчинами и женщинами. Действительно, я предполагаю, что он заявляет о существенном сходстве между ними, читаем: «О люди! Бойтесь вашего Господа, Который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему...» (Коран, 4: 1). Коран предлагает нам описание долговременной опасности для женщин в общественной сфере. Покрывание

для женщин рассматривается скорее как стратегия, чем как заявление о сущности женской / мужской природы. Все-таки женщинам старшего возраста разрешено открываться: «Нет греха на престарелых женщинах, которые не надеются на замужество, если они снимут верхнюю одежду, не показывая своей красоты. Но воздерживаться от этого лучше для них...» (Коран, 24: 60). В противоположность либеральной / постмодернистской позиции, которая надеется, что социализация в конечном счете устраним преследование женщин мужчинами, Коран предполагает, что это прочная особенность человеческого существования. Это не означает, биологический детерминизм, что наличие в человеке одной Y-хромосомы (вместо X-хромосомы) означает, что он мужчина и должен помогать женщинам, большинство мужчин хорошо относятся к женщинам и любят их. Скорее социализация постоянно воспроизводит такое поведение мужчины.

Итак, мой аргумент заключается в том, что хиджаб не отрицает сексуальность женщины, но служит тому, чтобы лучше контролировать в обществе мужскую и женскую сексуальность внутри и вне дома, а особенно в общественной сфере.

Хиджаб и выбор

Люди науки и общественники Запада, занимающиеся темой хиджаба, да и простые жители в основной массе с подозрением относятся к «выбору» покрытия головы мусульманскими женщинами. На Западе остается глубоко укоренившаяся убежденность в том, что ислам принуждает женщин покрываться. «Если вы решили покрываться, вам привили убеждение, что покрываться – это хорошо. Однако если вы действительно знаете интересы женщин, то должны понимать, что покрываться нехорошо, поэтому ваше решение покрываться – печальное указание на то, что вам промывают мозги». Конечно же, так думала и я, прежде чем стать мусульманкой, ведь отношение между уровнем культуры человека и его способностью выбирать главное (лучшее) всегда ограничено диапазоном между тем, что культура считает приемлемым и что неприемлемым. Даже на Западе, как я утверждаю в третьей главе, где есть большая свобода, существуют параметры, подлежащие выбору людей. Большинство западных обществ по-прежнему ожидают, что женщины будут закрывать свою грудь на публике (кроме, разве что, нудистских пляжей). Никто на самом деле не станет утверждать,

что культурные женщины принуждены закрывать свои груди только из-за санкции против топлес. Большинство женщин принимают ограничение и чувствуют, что во время одевания они как бы «выбирают» способ закрывания груди. То же самое с хиджабом: это культурно одобренное одеяние во многих мусульманских обществах, которое мусульманские женщины могут принять (хотя существуют и другие общества, которые не потворствуют хиджабу. Турция – печально известный современный пример). Конечно, это относится только к обществам, где женщинам позволен истинный выбор, а не к таким странам, как Иран или Афганистан талибов, где женщинам запрещается быть непокрытыми. Это не относится ко временам социальных беспорядков в мусульманском мире, когда хиджаб рассматривается как маркер преданности, и насилие совершается против женщин, чтобы заставить их покрыться. Но такого рода насилие в отношении женщин является неприемлемым. Я хочу сказать здесь только об отношении к выбору хиджаба в обществах, где есть настоящая свобода, где женщины вправе принимать его или не принимать.

Хиджаб и религиозность

Из-за своей религиозной функции, а также когда мусульманская женщина надевает хиджаб осознанно по причинам благочестия, как и многие интервьюированные мною мусульманки (см. вторую главу), хиджаб выступает в роли портала в исламскую веру. Как и другие основные мировые религии, ислам исповедует загробную жизнь и предостерегает верующих не увлекаться блеском и соблазнами этого мира. Коран направляет умы людей на День расплаты, где хорошие и плохие поступки каждой души будут взвешены и отмерены по шкале. Нам постоянно напоминает, что благочестие важнее, чем земные богатства, и благочестивое одеяние включено сюда же. Итак, даже если ношение хиджаба в качестве благочестивого акта действительно может давать женщине силу, на самом деле – это только первый шаг. В хадисе в Сахихе Муслима говорится: «Аллах не смотрит на вашу внешность или ваше богатство, но на ваши сердца и дела» (№ 2564). Второй шаг, в котором хиджаб, принятый как утверждение религиозности, может противостоять материалистической культуре капитализма – это послание Корана о совершенстве человеческого тела. Нарушение питания (расстройства пищеварения) и,

как следствие, неудовлетворенность своим телом достигли на Западе эпидемических пропорций. Однако такое возможно только в культуре, которая больше не верит, что все создает Бог, в том числе форму тела. Вполне возможно, что тело является объектом культурной практики и формирования, так что нет такого понятия как «биологическое тело»⁵³. Однако я считаю, что слишком сложно изменить строение тела без помощи хирургии. Хотя можно придерживаться диеты и заниматься физическими упражнениями (в разумных здоровых пределах, не доводя себя до анорексии / булимии), только с этим очень много возни. Послание Корана назидает быть счастливым и довольным своим телом, потому что наши формы создал Бог: «Он – Тот, Кто придает вам в утробах такой облик, какой пожелает...» (Коран, 3:6); «Мы сотворили человека в прекраснейшем облике» (Коран, 95:4). Пророк советовал людям быть здоровыми, потреблять пищу в умеренных количествах и упражняться физически. Таким образом, ислам оказывает противодействие материализму капитализма. Принимая хиджаб, мусульманские женщины проникают в глубокую традицию веры, которая обеспечивает им положительные физические ресурсы и помогает защищаться от разрушительных эффектов материализма.

Заключение

Аргумент, развитый в этой главе, заключается в том, что хиджаб действует как стимулирующий инструмент сопротивления потребительской игре красоты капиталистической культуры XXI в., которая оказывает активное пагубное воздействие на самооценку и физическое здоровье женщин. Хиджаб также является религиозно одобренным одеянием, а его связь с религией дает своим владелицам вход в традицию веры, которая повышает самооценку. Он как бы напоминает женщинам, что их ценность основана не на внешности, а на их благочестивых делах и поступках. С этой точки зрения хиджаб является символом религии, которая рассматривает женщину как личность, а не как сексуальный объект. Этот аргумент совершенно противоположен выводу общей феминистической концепции о том, что хиджаб – символ, согласно которому ислам рассматривает женщин как сексуальный объект; что она должна быть закрыта, потому что роль женского пола вторична, единственным важным его атрибутом является сексуальность, но и она угрожает общественному порядку.

ВЫВОД

Моя книга началась с попытки понять, почему светское либеральное общество, которое должно было хотя бы хранить нейтралитет по отношению к достижению отдельными людьми личного блага, так отрицательно отреагировало на мое принятие ислама и последовавшее за этим ношение хиджаба. Поиски привели меня к путешествию в колониальные времена, когда европейцы впервые столкнулись с хиджабом, затем к современности, где после отказа от хиджаба некоторые мусульманские женщины надели его снова. Я представила голоса некоторых из них, живущих в Торонто, и проанализировала настойчивый голос против хиджаба западной женщины. Наконец, я попыталась сформулировать позитивную теорию значения ношения хиджаба для капиталистических культур XXI в. Хиджаб – это философия о мужском и женском одеянии, а также этикет для мужских / женских отношений. Однако хиджаб (кусочек ткани, покрывающий женскую голову и плечи в разной степени) находится в центре враждебного внимания на Западе и даже является объектом жестокой борьбы в самом мусульманском мире. В Турции и Тунисе законы, запрещающие хи-

джаб, принимаются в имя «современности», основанной на «ориентализме» (востоковедении), они рассматривают ислам как отсталую, антицивилизационную, варварскую и репрессивную религию относительно женщин. Сегодня общая западная позиция о покрытии как угнетающем женщин и попытке мусульманского мира по устранению хиджаба сближаются.

На момент написания этой книги феминистские концепции не поняли и не приняли положительный опыт покрытых женщин, как и разнообразные способы покрытия, популярные в разных странах мира. Это преобладающий востоковедческий / феминистский дискурс, который унижает мусульманок, превращая покрытых женщин в безголосые манекены, неспособные постоять даже за себя, а не то что за свой хиджаб. Западные феминистки, забывая о притеснениях, с которыми женщины сталкиваются в своей собственной культуре, рассматривают мусульманок как единственную оставшуюся в мире группу, страдающую от угнетения. Таким образом, нельзя игнорировать роль политики силы (политики с позиции силы) в продолжении существования стереотипа «хиджаб – притесняющий». Во многих отношениях дискурс против хиджаба связан с про-

ектом западной гегемонии, даже если она рассматривается как естественная, а не как результат той или иной конкретной внешней политики.

Некоторые читатели будут справедливо возражать. Во многих мусульманских обществах женщины были и теперь изолированы, их принуждали покрываться. Хиджаб был лишь частью мер, ограничивающих реализацию потенциала женщин, лишая их возможности получения образования, занятости вне дома и права голоса. Неудивительно, что, как и Мернисси, многие мусульманские женщины проводят кампанию против хиджаба и празднуют его исчезновение. Новое движение за покрытие является радикальным вызовом как западному стереотипу угнетения, так и некоторым традиционным мусульманским культурным обычаям. Возврат к Корану и Сунне определенных движений женщин содержит в себе множество общественных сил. Есть те, включая меня, которые видят Коран, Сунну Пророка и первое сообщество мусульман как воплощение равенства и правосудия для женщин и мужчин, но с образом жизни, искаженным за последние 1400 лет культурным приращением. Эти мусульмане, мужчины и женщины, утверждают, что хиджаб должен быть отделен от репрессивных традиций прошлого,

таких как изоляция женщин, и что эти притеснения неправильно удерживали женщин от их законного права на участие в делах общества. Они требуют для женщин права на образование, работу, политическое участие и ношение хиджаба. Сегодня нельзя позволить этим расхождениям во мнениях по хиджабу победить в мусульманской общине. Различие мнений было отличительной чертой с первых дней ислама. Хиджабом часто так одержимы, будто бы он делает или не делает женщину мусульманкой. Забыли, что шахада (декларация и убеждение, что никто не достоин поклонения, кроме Бога, и что Мухаммад – Его Посланник) – это то, что делает человека мусульманином, а после этого самым важным делом является своевременная молитва. Пророческая традиция напоминает нам, что мусульманские женщины, хоть и покрытые, могут быть наказаны в следующей жизни, если они были, например, сплетницами в этой жизни. Масштабы дел другого человека, не должны беспокоить нас. Нас должно волновать не то, как одета другая женщина, – а собственное поведение, наши дела и поступки. Так что «консервативная» сторона должна быть осторожна, ей следует остерегаться высокомерия и осуждения тех, кто не желает носить хиджаб; как и «прогрес-

сивная» сторона – в ее осуждении тех, кто хочет носить хиджаб или никаб. Прежде всего обеими сторонами должна быть соблюдена свобода совести.

После того как я впервые провела свое исследование, среди мусульман возрос аргумент, что хиджаб является не религиозным санкционированным одеянием, а культурным. Я исследовала этот вопрос совместно с принятием решения об обращении в ислам и пришла к выводу, что данный аргумент основан на слабых доказательствах и непоследовательной логике. Я волнуюсь, что рост тренда «хиджаб не является религиозным требованием», а он гораздо радостнее поддерживается сегодня большинством на Западе, служит больше чем когда-либо лишь маргинализации (изоляции) мусульманских женщин, которые хотят носить хиджаб или другие разновидности покрытия. Но их голоса теперь отбрасываются на задворки основных западнокультурных дискурсов и прогрессивных мусульманских обсуждений.

Не все женщины, опрошенные при подготовке к написанию моей книги, носили или хотели носить головные уборы (покрытие), но многие носили. И в целом рамки данной книги поддерживают точку

зрения, что хиджаб – это религиозно санкционированное одеяние, которое не является репрессивным, а лишь указывает на принадлежность к религии, которая обеспечивает мусульманским женщинам достоинство и уважение.

Таким образом, книга «Переосмысливая статус мусульманских женщин и ношение хиджаба» будет служить моим альтернативным взглядом (подходом) в этих дебатах. Она была попыткой представить другую историю платка: рассказ о таких, как я, которые находят мир и радость в исламе и кто не верит, что ислам подавляет женщин и что хиджаб – символ их угнетения. Моя книга – попытка открыть пути общения с теми, кто готов слушать. Это просьба о том, чтобы к мусульманским женщинам, которые любят носить хиджаб, относились с уважением, выслушивали их с должным вниманием и вступали с ними в спор в духе доброй воли.

Мы можем соглашаться или не соглашаться с некоторыми проблемами, но мы должны по крайней мере уметь быть несогласными, но при этом по-прежнему оставаться партнерами в глобальном мире.

Автор

КАТЕРИНА БУЛЛОК защитила кандидатскую диссертацию в области политологии в Университете Торонто в 1999 г. Она преподавала в Калифорнии и Торонто, читая лекции по исламской цивилизации и политике. Ее последнее назначение – Университет Торонто, где с 2002 г. она преподавала курс «Политика ислама». В настоящее время Буллок является президентом The Tessellate Institute – Института некоммерческого исследования, а также издательства Compass Books. С 2003 по 2008 г. она работала редактором Американского журнала исламских социальных наук (AJISS), а с 2006 по 2009 г. – вице-президентом Ассоциации мусульманских социологов (Северная Америка). Ее публикации включают: «Мусульманские женщины – активисты в Северной Америке», «Выступая за самих себя и переосмысливая статус мусульманских женщин и хиджаб», «Сложные исторические и современные стереотипы». Эти работы были переведены на французский и турецкий языки. Она является активистом сообщества и часто читает лекции как для мусульман, так и для немусульманских групп. Родом из Австралии, она живет в Канаде с мужем и детьми. Буллок приняла ислам в 1994 г.

Примечания

¹The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu, quoted in Leila Ahmed, *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven: Yale University Press, 1992. P. 150.

² Ориентализм стал областью знания или парадигмой для понимания Ближнего Востока и ислама, которые претендовали на объективность (беспристрастность), но на самом деле основаны на руководящем предположении о присущей Востоку неполноценности. *Edward Said, Orientalism* (1979). 2nd Ed. New York: Vintage Books, 1994. P. 209.

³ *Ahmed. Women and Gender in Islam*. P. 128.

⁴ *Ibid.* P. 129–30.

⁵ *Ibid.* P. 145.

⁶ *Ibid.* P. 129.

⁷ *Timothy Mitchell. Colonising Egypt*. Berkeley: Uni. of California Press, 1988.

Рр.12–13, *passim*.

⁸ *Ibid.* Pp. 19–20.

⁹ *Ahmed. Women and Gender in Islam*. P. 104.

¹⁰ Квебекская проблема последовала за французскими изгнаниями девушек в хиджабе в 1989 г.

Естественно, существуют связь и между культурой Франции и Квебека.

¹¹ Канадская телерадиовещательная комиссия, Prime Time News, июль 1995 г.

¹² *Jeffery Simpson*. The Current Objections to Muslim Clothing are Simply.

Wrongheaded. Globe and Mail (Toronto, Canada), December 28, 1994. P. A16.

¹³ Mona LeBlanc. Letters to the Editor. Globe and Mail, Wednesday, January, 4, 1995.

¹⁴ Я говорю «другие люди», потому что большинство опрошенных, хотя они соблюдали пять столпов ислама, не считали себя религиозными. Они чувствовали, что им придется больше больше молиться или больше читать Коран, чтобы быть по-настоящему правоверными.

¹⁵ *Yvonne Yazbeck Haddad*. Arab Muslims and Islamic Institutions in America: Adaptation and Reform, in *Arabs in the New World: Studies on Arab-American Communities*, eds. Sameer Y. Abraham and Nabeel Abraham.

Detroit: Wayne State University Centre for Urban Studies, 1983. P. 75.

¹⁶ *Azza M. Karam*. *Women, Islamisms and the State: Contemporary Feminisms in Egypt*. London: Macmillan, 1998. P. 133.

¹⁷ *Ibid.* P. 139.

¹⁸ For Algeria, see *Frantz Fanon*. *A Dying Colonialism*. Trans. Haakon Chevalier. New York: Grove Press, 1967. French edition, 1959. Pp. 61–62, *passim*. For Iran, see *Azar Tabari*. *Islam and the Struggle for Emancipation of Iranian Women, in the Shadow of Islam: The Women's Movement in Iran*, eds. Azar Tabari and Nahid Yeganeh. London: Zed Press, 1982. P. 13.

¹⁹ *Sherifa Zuhur*. *Revealing Reveiling: Islamist Gender Ideology in Contemporary Egypt*. New York: State University of New York Press, 1992. P. 108.

²⁰ *John Williams*. *A Return to the Veil in Egypt*, *Middle East Review*, 11, 3, 1979. P. 50.

²¹ *Zuhur*. *Revealing Reveiling*. P. 2. Zuhur found this ideal contradicted by the Yves St. Laurent line of headscarves available for purchase. See also *Leila Hessini*. *Wearing the Hijab in Contemporary Morocco: Choice and Identity*, in *Reconstructing Gender in the Middle*

East: Tradition, Identity, and Power, eds. Fatma Müge Göçek and Shiva Balaghi. New York: Columbia University Press, 1994. P. 50.

²² *Williams*. A Return to the Veil. P. 54.

²³ *Homa Hoodfar*. Return to the Veil: Personal Strategy and Public Participation in Egypt, in *Working Women: International Perspectives on Labour and Gender Relations*, eds. Nanneke Redclift and M. Thea Sinclair. London: Routledge, 1991. Pp.110–111; *Arlene Elowe Macleod*. Accommodating Protest: Working Women and the New Veiling in Cairo. New York: Columbia University Press, 1991. Pp. 114, 121.

²⁴ *Helen Watson*. Women and the Veil: Personal Responses to Global Process, in *Islam. Globalization and Postmodernity*, eds. Akbar S. Ahmed and Hastings Donnan. London: Routledge, 1994. P. 148. Надя – первая женщина в семье, имеющая высшее образование. Сейчас она изучает медицину в университете.

²⁵ *M. AlMunajjed*. Women in Saudi Arabia Today. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 47.

²⁶ *New Statesman*. 27 March 1992. Cover page.

²⁷ *The Atlanta Journal / The Atlanta Constitution*. June 28, 1992. Section P.

²⁸ L'Express (Quebec). November 17, 1994. Cover page.

²⁹ Le Nouvel Observateur. September 28, 1994.

³⁰ Toronto Star. May 14, 1996. F5.

³¹ Vancouver Sun. September 15, 1994. A18.

³² Montreal Gazette. April 11, 1994. B3.

³³ Toronto Star. December 15, 1996. F4.

³⁴ *Deborah Scroggins*. Women of the Veil: Islamic Militants Pushing Women Back to an Age of Official Servitude. The Atlanta Journal / The Atlanta Constitution. Sunday, June 28, 1992. P. 3.

³⁵ *Jan Goodwin*. Price of Honor: Muslim Women Lift the Veil of Silence on the Islamic World. New York: Plume, 1994. P. 262.

³⁶ Ibid. Pp. 55, 78–9, 81, 98, 101, 107–109, 293, 300; *Scroggins*. Women of the Veil. P3.

³⁷ *Goodwin*. Price of Honor. Pp.112, 161, 186–187, 217, 247, 342. Гудвин представлены некоторые женщины, которые считаются не фундаменталистками и боятся фундаментализма. P. 85; *Scroggins*. Women of the Veil. P. 2. Geraldine Brooks. Nine Parts of Desire: The Hidden World of Islamic Women. N.Y.: Doubleday, 1995. P. 8.

³⁸ *Goodwin*. Price of Honor. Pp. 137, 175.

³⁹ *Andrea B. Rugh*. *Reveal and Conceal: Dress in Contemporary Egypt*. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 1986.

⁴⁰ *S. Brenner*. *Reconstructing Self and Society: Javanese Muslim Women and the Veil*. *American Ethnologist*. 23, 4, 1996.

⁴¹ *Fatima Mernissi*. *Beyond the Veil: Male-Female Dynamics in Modern Muslim Society*. Revised ed, Indiana: Indiana University Press, 1987, and *The Veil and the Male Elite: A Feminist Interpretation of Women's Rights in Islam*, Trans. Mary Jo Lakeland. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Co., 1991.

Серия IIT Books-In-Brief (Книги в кратком изложении) является ценной коллекцией ключевых публикаций Института, написанной в сжатой форме для того, чтобы дать читателям сущностное понимание основного содержания оригинала.

Необходимость бросить вызов негативному стереотипу в отношении женского покрытия как атрибута угнетения безотлагательна. Многие полагают, что споры о том, носить или не носить, всё более разгораются, поскольку основные средства массовой информации приравнивают это к отсталости и варварству мусульман. Многие полагают, что споры о том, носить или не носить, всё более разгораются, поскольку основные средства массовой информации приравнивают это к отсталости и варварству мусульман. Эта работа сосредоточена вокруг популярного западного культурного представления о том, что покрытие является фактором гнёта для мусульманских женщин, и подчеркивает основные структуры власти, стоящие за этим созданным образом покрытия. Она исследует колониальные корни этого негативного стереотипа и успешно оспаривает аргументы либеральных феминисток, таких как Мернисси, чтобы утверждать, что в культуре защиты прав потребителей покрытие может восприниматься как освобождение от тирании мифа о красоте и «идеала» худобы женщины.

**Шейх Хамза Юсуф Хансон, основатель и председатель
Совета Директоров, Институт Зайтуна**

Покрытие – это горячая тема в текущем исламском дискурсе. Было написано много интересных работ, но лишь несколько из них с позиций феминистских полномочий. Эта книга должна быть прочитана теми, кто вовлечён в современную мусульманскую авансцену, на Востоке или на Западе. Книга д-ра Баллок заслуживает серьезного внимания, поскольку она ставит под сомнение самые глубоко укоренившиеся у нас на Западе представления о покрытии и его значении.

Джулиан Бонд, директор Христиано-Мусульманского Форума

Эта книга сейчас более своевременна, чем когда она была опубликована первоначально. Автор рассматривает «западную» женщину, которая сомневалась в «покрытии», которая затем стала носить хиджаб, когда стала мусульманкой. Это оживительно написанное, хорошо написанное, честное и по-настоящему интересное чтение. В отличие от того большого внимания, которое обычно уделяется этому вопросу, автор фактически выслушивает опыт мусульманских женщин в ношении хиджаба и позволяет им говорить своими словами. Я надеюсь, что эта книга проинформирует новых читателей, чтобы они смогли поразмышлять над этим вопросом.

Международный институт
исламской мысли